

Оскар Уайльд

МАЛЬЧИК- ЗВЕЗДА

Оскар Уайльд

МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

Сказки

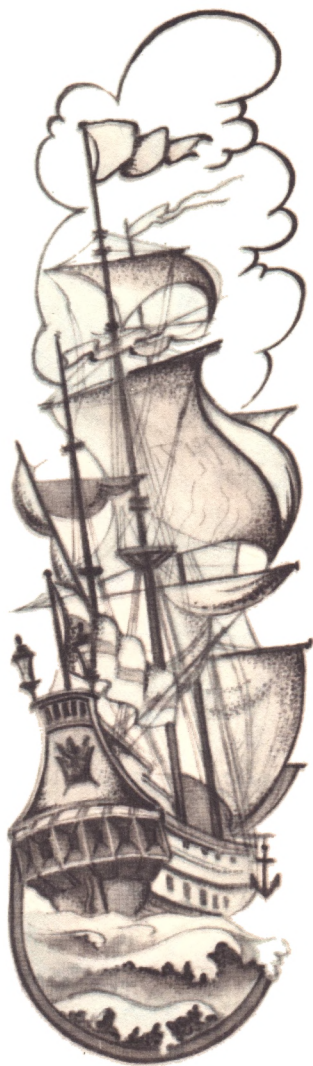
Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1979

У 70304—089
М 158(03)—79

© Средне-Уральское
книжное издательство, 1979,
состав., иллюстрации.

Счастливый Принц

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но, конечно, флюгер куда полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает!

— Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! — пробормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил Учитель Математики. — Ведь ангелов вы никогда не видели.

— О, мы их видим во сне! — отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

— Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, — говорила с упреком Ласточка, — и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

«Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия».

— Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

— Ах, ты играл моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам!

И она улетела.

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

— Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?

Тут она увидела статую на высокой колонне.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

— У меня золотая спальня! — разнеженно сказала она, озираясь. И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, — откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. — И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она?

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во Дворце Sans Souci¹, куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц», — величали меня приближенные, и вправду я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное,

¹ Дворец Беззаботности (франц.).

руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут не дождутся в Египте, — ответила Ласточка. — Мои подружки кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Останься здесь на одну только ночь и будь моею посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

— Не очень-то мне по сердцу мальчики. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно, — сказала она, — но ничего, эту ночь я останусь с тобою и выполню твое поручение.

— Благодарю тебя, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды, — сказал ей возлюбленный, — и как чудесна власть любви!

— Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, — ответила

она.— Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключающих между собою сделки и взвешивавших монеты на медных весах. И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула,— она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало хорошо! — сказал ребенск.— Значит, я скоро поправлюсь.— И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно,— заключила она свой рассказ,— хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело! — объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

— Странное, необъяснимое явление! — сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту.— Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью — в Египет!» — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпиле соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! что за чужак!» — и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она.— Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц.— Останься на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте,—
ответила Ласточка.— Завтра подру-
ги мои полетят на вторые пороги
Нила. Там, в камышах, лежат гип-
попотамы, и на великом гранитном
престоле восседает там бог Мем-
нон. Всю ночь он глядит на звез-
ды, а когда засияет денница, он
приветствует ее радостным криком.
В полдень желтые львы сходят к
реке на водопой. Глаза их подоб-
ны зеленым бериллам, а рев их
громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, малень-
кая Ласточка! — сказал ей Счаст-
ливый Принц.— Там, далеко за
городом, я вижу в мансарде юно-
шу. Он склонился над столом, над
бумагами. Перед ним в стакане
увядшие фиалки. Его губы алы,
как гранаты, его каштановые воло-
сы вьются, а глаза его большие и
мечтательные. Он торопится закон-
чить свою пьесу для Директора
Театра, но он слишком озяб, огонь
догорел у него в очаге, и от голода
он вот-вот лишится чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой
до утра! — сказала Ласточка Прин-
цу. У нее было предоброе серд-
це.— Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше руби-
нов, увы! — молвил Счастливый
Принц.— Мои глаза — это все, что
осталось. Они сделаны из редкост-
ных сапфиров и тысячу лет назад
были привезены из Индии. Выключ
один из них и отнеси тому челове-

ку. Он продаст его ювелиру, и купит себе еды и дров, и закончит свою пьесу.

— Милый Принц, я не могу сделать это! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз, и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в пучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно воскликнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. — И счастье было на лице у него.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался вверх.

— Я улетаю в Египет! — сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

— Я пришла попрощаться с тобой! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги выют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем крапая роза, будет рубин у тебя и сапфир голубее морской волны.

— Внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непо-

крыта. Выключи другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

— Я могу остаться с тобою еще одну ночь,— ответила Ласточка,— но выклевывать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка,— молвил Счастливый Принц,— исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой.

Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

— Нет, моя милая Ласточка,— ответил несчастный Принц,— ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки,— сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка,— отозвался Счастливый Принц,— все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире — это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал Полицейский. И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала ему все, что видела.

— Я весь позолоченный, — сказал Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закуталось в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка бедная зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю, — ответила Ласточка. — Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это расколослось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на Бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул Мэр.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром.

И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, — продолжал Мэр. — Он хуже любого нищего!

— Именно хуже нищего! — подтвердили Городские Советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

— Сделаем новую статую! — предложил Мэр. — И эта новая статуя пускай изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться. Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

— Удивительно! — сказал Главный Литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка.

И повелел господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе.

И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал господь. — Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

Мальчик-звезда

Как-то раз двое бедных Лесорубов возвращались домой, пробираясь через густой сосновый бор. Была зимняя ночь, стоял лютый мороз. И на земле и деревьях лежал толстый снежный покров. Когда Лесорубы продирались сквозь чащу, маленькие обледеневшие веточки обламывались от их движений, а когда они приблизились к Горному Водопаду, то увидели, что он неподвижно застыл в воздухе, потому что его поцеловала Королева Льда.

Мороз был так лют, что даже звери и птицы совсем растерялись от неожиданности.

— Уф! — проворчал Волк, прыгая между кустами, поджав хвост. — Какая чудовищная погода. Не понимаю, куда смотрит правительство.

— Фью! Фью! Фью! — просвиристели зеленые Коноплянки. — Старушка Земля умерла, и ее одели в белый саван.

— Земля готовится к свадьбе, а это ее подвенечный наряд, — прошептали друг другу Горлянки. Их маленькие розовые ножки совершенно окоченели от холода, но они считали своим долгом придерживаться романтического взгляда на вещи.

— Вздор! — проворчал Волк. — Говорю вам, что во всем виновато правительство, а если вы мне не верите, я вас съем. —

Волк обладал очень трезвым взглядом на вещи и в споре никогда не лез за словом в карман.

— Ну, что касается меня,— сказал Дятел, который был прирожденным философом,— я не нуждаюсь в физических законах для объяснений явлений. Если вещь такова сама по себе, то она сама по себе такова, а сейчас адски холодно.

Холод в самом деле был адский. Маленькие Белочки, жившие в дупле высокой ели, все время терли друг другу носы, чтобы хоть немного согреться, а Кролики съежились в комочек в своих норках и не смели выглянуть наружу. И только большие рогатые Совы — одни среди всех живых существ — были, по-видимому, довольны. Их перья так обледенели, что стали совершенно твердыми, но это их нисколько не тревожило, они таращили свои огромные желтые глаза и перекликались друг с другом через весь лес:

— У-уу! У-уу! У-уу! Какая нынче восхитительная погода!

А двое Лесорубов все шли и шли через бор, ожесточенно дуя на замерзшие пальцы и топая по обледеневшему снегу тяжелыми, подбитыми железом сапогами. Один раз они провалились в глубокий, занесенный снегом овраг и вылезли оттуда белые, как мукомолы, когда те стоят у крутящихся жерновов; а в другой раз они поскользнулись на твердом гладком льду замерзшего болота, их вязанки хвороста рассыпались, и пришлось им собирать их и заново увязывать; а еще как-то им почудилось, что они заблудились, и на них напал великий страх, ибо им было известно, что Снежная Дева беспощадна к тем, кто засыпает в ее объятиях. Но они возложили свои надежды на заступничество Святого Мартина, который благоденствует всем путешественникам, и вернулись немного обратно по своим следам, а дальше шли с большей осмотрительностью и в конце концов вышли на опушку и увидели далеко внизу в Долине огни своего селения.

Они очень обрадовались, что выбрались наконец из леса, и громко рассмеялись, а Долина показалась им серебряным цветком, и Луна над ней — цветком золотым.

Но, посмеявшись, они снова стали печальны, потому что вспомнили про свою бедность, и один из них сказал другому:

— С чего это мы так развеселились? Ведь жизнь хороша только для богатых, а не для таких, как мы с тобой. Лучше бы нам замерзнуть в бору или стать добычей диких зверей.

— Ты прав,— отвечал его товарищ.— Одним дано очень много, а

другим — совсем мало. В мире царит несправедливость, и благами она одаряет лишь немногих, а вот горе отмеряет щедрой рукой.

Но пока они сетовали так на свою горькую долю, произошло нечто удивительное и странное. Прекрасная и необычайно яркая звезда упала с неба. Она покатилась по небосводу между других звезд, и, когда изумленные Лесорубы проводили ее взглядом, им показалось, что она упала за старыми ветлами возле небольшой овчарни, неподалеку от того места, где они стояли.

— Слушай! Да ведь это же кусок золота, надо его разыскать! — разом закричали оба и тут же припустились бежать — такая жажда золота их обуяла.

Но один из них бежал быстрее другого, перегнал своего товарища, пробрался между ветлами... и что же он увидел? На белом снегу и вправду лежало что-то, сверкающее, как золото. Лесоруб подбежал, наклонился, поднял этот предмет с земли и увидел, что он держит в руках плащ из золотой ткани, причудливо расшитый звездами и ниспадающий пышными складками. И он крикнул своему товарищу, что нашел сокровище, упавшее с неба, и тот поспешил к нему, и они опустились на снег и расправили складки плаща, чтобы достать оттуда золото и разделить его между собой. Но увы! В складках плаща они не обнаружили ни золота, ни серебра, ни других сокровищ, а увидели только спящее дитя.

И один Лесоруб сказал другому:

— Все наши надежды пошли прахом, нет нам с тобой удачи! Ну какая польза человеку от ребенка? Давай оставим его здесь и пойдем своим путем, ведь мы люди бедные, у нас и своих детей хватает, и мы не можем отнимать у них хлеб, чтобы отдавать его другим.

Но другой Лесоруб отвечал так:

— Нет, нельзя совершить такое злое дело — оставить это дитя замерзать тут на снегу, и хоть я не богаче тебя, и у меня еще больше ртов просят хлеба, а в горшках тоже негусто, все равно я отнесу этого ребенка к себе домой, и моя жена позаботится о нем.

И он осторожно поднял ребенка, завернул его в плащ, чтобы защитить от жгучего мороза, и зашагал вниз с холма к своему селению, а его товарищ очень подивился про себя такой его глупости и мягко-сердечию.

А когда они пришли в свое селение, его товарищ сказал ему:

— Ты взял себе ребенка, так отдай мне плащ, ты же должен поделиться со мной находкой.

Но тот отвечал ему:

— Нет, не отдам, потому что этот плащ не твой и не мой, а принадлежит только ребенку,— и, пожелав ему доброго здоровья, подошел к своему дому и постучал в дверь.

Когда жена отворила дверь и увидела, что ее муженек возвратился домой целый и невредимый, она обвила руками его шею, и поцеловала его, и сняла с его спины вязанку хвороста, и отряхнула снег с его сапог, и пригласила его войти в дом.

Но Лесоруб сказал жене:

— Я нашел кое-что в лесу и принес тебе, чтобы ты позаботилась о нем,— и он не переступил порога.

— Что же это такое? — воскликнула жена.— Покажи скорее, ведь у нас в доме пусто и мы очень во многом нуждаемся.— И тогда он распахнул плащ и показал ей спящее дитя.

— Увы мне! — горестно прошептала жена.— Разве у нас нет собственных детей, что тебе, хозяин, понадобилось сажать к нашему очагу подкидыша? А может, он принесет нам несчастье? И кто его знает, как надо за ним ухаживать? — И она очень рассердилась на мужа.

— Да ты послушай, ведь это Дитя-звезда,— отвечал муж и рассказал жене всю удивительную историю о том, как он нашел этого ребенка.

Но это ее не успокоило, и она начала насмехаться над ним, и бранить его, и закричала:

— Наши дети сидят без хлеба, а мы будем кормить чужого ребенка? А кто позаботится о нас? Кто нам даст поесть?

— Но ведь господь заботится даже о воробьях и дает им пропитание,— отвечал муж.

— А мало воробьев погибает от голода зимой? — спросила жена.— И разве сейчас не зима? — На это муж ничего не ответил ей, но и не переступил порога.

И тут злой ветер, прилетев из леса, ворвался в распахнутую дверь, и жена вздрогнула, поежилась и сказала мужу:

— Почему ты не затворишь дверь? Смотри, какой студеный ветер, я совсем замерзла.

— В доме, где живут люди с каменными сердцами, всегда будет

стужа,— сказал муж. И жена не ответила ему ничего, только ближе пододвинулась к огню.

Но прошло еще немного времени, и она обернулась к мужу и поглядела на него, и ее глаза были полны слез. И тогда он быстро вошел в дом и положил ребенка ей на колени. А она, поцеловав ребенка, опустила его в колыбельку рядом с младшим из своих детей. А на другое утро Лесоруб взял необыкновенный плащ из золота и спрятал его в большой сундук, а его жена сняла с шеи ребенка янтарное ожерелье и тоже спрятала его в сундук.

Итак, Дитя-звезда стал расти вместе с детьми Лесоруба, и ел за одним с ними столом, и играл с ними. И с каждым годом он становился все красивее и красивее, и жители селения дивились его красоте, ибо все они были смуглые и черноволосые, а у него лицо было белое и нежное, словно выточенное из слоновой кости, и золотые кудри его были как лепестки нарцисса, а губы — как лепестки алой розы, и глаза — как фиалки, отраженные в прозрачной воде ручья. И он был строен, как цветок, выросший в густой траве, где не ступала нога косца.

Но красота его принесла ему только зло, ибо он вырос себялюбивым, гордым и жестоким. На детей Лесоруба, да и на всех прочих детей в селении, он смотрел сверху вниз, потому что, говорил он, все они низкого происхождения, в то время как он — знатного рода, ибо происходит от Звезды. И он помыкал детьми и называл их своими слугами. Он не испытывал сострадания к беднякам или к слепым, недужным и увечным, но швырял в них камнями, и прогонял их из селения на проезжую дорогу, и кричал им, чтобы они шли побираться в другое место, после чего ни один из нищих, кроме каких-нибудь самых отчаявшихся, не осмеливался вторично прийти в это селение за милостыней. И он был точно околдован своей красотой и высмеивал всех, кто был жалок и безобразен, и выставлял их на посмешище. Себя же он очень любил и летом в безветренную погоду часто лежал у водоема в фруктовом саду священника, и глядел на свое дивное отражение, и смеялся от радости, любуясь своей красотой.

Лесоруб и его жена не раз бранили его, говоря:

— Мы-то ведь не так поступили с тобой, как поступаешь ты с этими несчастными, обездоленными судьбой, у которых нет ни одной близкой души на свете. Почему ты так жесток к тем, кто нуждается в участии?

И старик священник не раз посылал за ним и пытался научить его любви ко всем божьим тварям, говоря:

— Мотылек — твой брат, не причиняй ему вреда. Птицы, что летают по лесу, — свободные создания. Не расставляй им силки для своей забавы. Бог создал земляного червя и крота и определил каждому из них его место. Кто ты такой, что осмеливаешься приносить страдания в сотворенный богом мир? Ведь даже скот, пасущийся в лугах, прославляет его имя.

Но Мальчик-звезда не внимал ничьим словам, только хмурился и усмехался презрительно, а потом бежал к своим сверстникам и помыкал ими как хотел. И его сверстники слушались его, потому что он был красив, быстроног и умел плясать, и петь, и наигрывать на свирели. И куда бы Мальчик-звезда ни повел их, они следовали за ним, и что бы он ни приказал им сделать, они ему повиновались. И когда он проткнул острой тростинкой подслеповатые глаза крота, они смеялись, и когда он швырял камнями в прокаженного, они смеялись тоже. Всегда и во всем он был их вожаком, и они стали столь же жестокосерды, как и он.

* * *

И вот как-то раз через селение проходила одна несчастная нищенка. Одежда ее была в лохмотьях, босые ноги, израненные об острые камни дороги, все в крови, — словом, была она в самом бедственном состоянии. Изнемогая от усталости, она присела отдохнуть под каштаном.

Но тут увидел ее Мальчик-звезда и сказал своим товарищам:

— Гляньте! Под прекрасным зеленолистым деревом сидит отвратительная грязная нищенка. Пойдем прогоним ее, потому что она противна и безобразна.

И с этими словами он подошел к ней поближе и начал швырять в нее камнями и насмехаться над ней, а она поглядела на него, и в глазах ее отразился ужас, и она не могла отвести от него взгляда. Но тут Лесоруб, который стругал жерди под навесом, увидел, что делает Мальчик-звезда, подбежал к нему и стал его бранить, говоря:

— Воистину у тебя каменное сердце, и жалость тебе неведома. Что сделала тебе эта бедная женщина, почему ты гонишь ее отсюда?

Тогда Мальчик-звезда покраснел от злости, топнул ногой и сказал:

— А кто ты такой, чтобы спрашивать меня, почему я так поступаю? Я тебе не сын и не обязан тебя слушаться.

— Это верно,— отвечал Лесоруб,— однако я пожалел тебя, когда нашел в лесу.

И когда нищая услышала эти слова, она громко вскрикнула и упала без чувств. Тогда Лесоруб поднял ее и отнес к себе в дом, а его жена принялась ухаживать за ней, и, когда женщина очнулась, Лесоруб и его жена поставили перед ней еду и питье и сказали, что они рады предоставить ей кров.

Но женщина не хотела ни есть, ни пить и сказала Лесорубу:

— Верно ли ты сказал, что нашел этого мальчика в лесу? И с того дня минуло десять лет, не так ли?

И Лесоруб ответил:

— Да, так оно и было, я нашел его в лесу, и с того дня минуло уже десять лет.

— А не нашел ли ты вместе с ним еще чего-нибудь? — воскликнула женщина.— Не было ли у него на шее янтарного ожерелья? И не был ли он закутан в золотой плащ, расшитый звездами?

— Все верно,— отвечал Лесоруб. И он вынул плащ и янтарное ожерелье из сундука, в котором они хранились, и показал их женщине.

И когда женщина увидела эти вещи, она расплакалась от радости и сказала:

— Этот ребенок — мой маленький сын, которого я потеряла в лесу. Прошу тебя, пошли за ним скорее, ведь в поисках его я обошла весь мир.

И Лесоруб с женой вышли из дома, и стали звать Мальчика-звезду, и сказали ему:

— Войди в дом, там ты найдешь свою мать, которая ждет тебя.

И Мальчик-звезда, исполненный радости и изумления, вбежал в дом. Но, когда он увидел ту, что ждала его там, он презрительно рассмеялся и сказал:

— Ну а где же моя мать? Я не вижу здесь никого, кроме этой противной нищенки.

И женщина ответила ему:

— Я — твоя мать.

— Ты, должно быть, лишилась рассудка,— гневно вскричал Мальчик-звезда.— Я не твой сын, ведь ты же нищенка, ты уродлива и оде-

та в лохмотья. Ну-ка, убирайся отсюда, чтобы я не видел больше твоего мерзкого лица.

— Но ведь ты же в самом деле мой маленький сынок, которого я родила в лесу,— вскричала женщина и, упав перед ним на колени, простерла к нему руки.— Разбойники украли тебя и оставили погибать в лесу,— плача, проговорила она.— Но я сразу узнала тебя, как только увидела, и узнала вещи, по которым тебя можно опознать,— золотой плащ и янтарное ожерелье. И я молю тебя, пойдем со мной, ведь, разыскивая тебя, я обошла весь свет. Пойдем со мной, мой сын, потому что я нуждаюсь в твоей любви.

Но Мальчик-звезда не шевельнулся; он наглухо затворил свое сердце, чтобы ее жалобы не могли туда проникнуть, и в наступившей тишине слышны были только стенания женщины, рыдавшей от горя.

Наконец он заговорил, и его голос звучал холодно и презрительно.

— Если это правда, что ты моя мать,— сказал он,— лучше бы тебе не приходить сюда и не позорить меня, ведь я думал, что моей матерью была Звезда, а не какая-то нищенка, как это ты говоришь мне. Поэтому убирайся отсюда, чтобы я никогда тебя больше не видел.

— Увы, сын мой! — вскричала женщина.— Неужели ты не поцелуешь меня на прощание? Ведь я столько перетерпела мук, чтобы найти тебя.

— Нет,— сказал Мальчик-звезда,— ты слишком омерзительна, и мне легче поцеловать гадюку или жабу, чем тебя.

Тогда женщина встала и, горько рыдая, скрылась в лесу, а Мальчик-звезда, увидав, что она ушла, очень обрадовался и побежал играть со своими товарищами.

Но те, поглядев на него, начали смеяться над ним и сказали:

— Да ведь ты мерзок, как жаба, и отвратителен, как гадюка. Убирайся отсюда, мы не хотим, чтобы ты играл с нами.— И они выгнали его из сада. Тогда Мальчик-звезда задумался и сказал себе:

— Что такое они говорят? Я пойду к водоему и погляжусь в него, и он скажет мне, что я красив.

И он пошел к водоему, и поглядел в него, но что же он увидел! Лицом он стал похож на жабу, а тело его покрылось чешуей, как у гадюки. И он бросился ничком на траву, и заплакал, и сказал:

— Не иначе как это мне наказание за мой грех. Ведь я отрекся от моей матери и прогнал ее, я возгордился перед ней и был с ней

жесток. Теперь я должен отправиться на поиски и обойти весь свет, пока не найду ее. А до тех пор я не буду знать ни отдыха, ни покоя.

Тут подошла к нему маленькая дочка Лесоруба, и положила ему руку на плечо, и сказала:

— Это еще не беда, что ты утратил свою красоту. Оставайся с нами, и я никогда не буду дразнить тебя.

Но он сказал ей:

— Нет, я был жесток к моей матери, и в наказание со мной случилось это несчастье. Поэтому я должен уйти отсюда и бродить по свету, пока не найду свою мать и не вымолю у нее прощения.

И он побежал в лес, и начал громко призывать свою мать, прося ее вернуться к нему, но не услышал ответа. Весь день он звал ее, а когда солнце закатилось, прилег на грудку листьев и уснул, и все птицы и звери оставили его, потому что знали, как жестоко он поступил, и только жаба разделяла его одиночество и охраняла его сон, да гадюка медленно проползла мимо.

А наутро он встал, сорвал несколько кислых ягод с дерева, съел их и побрел через дремучий лес, горько плача. И всех, кто бы ни встречался ему на пути, он спрашивал, не видали ли они его матери.

Он спросил Крота:

— Ты роешь свои ходы под землей. Скажи, не видал ли ты моей матери?

Но Крот отвечал:

— Ты выколот мне глаза, как же я мог ее увидеть?

Тогда он спросил у Коноплянки:

— Ты взлетаешь выше самых высоких деревьев и можешь видеть оттуда весь мир. Скажи, не видала ли ты моей матери?

Но Коноплянка отвечала:

— Ты подрезал мне крылья ради забавы. Как же могу я теперь летать?

И маленькую Белочку, которая жила в дупле ели одна-одинешенька, он спросил:

— Где моя мать?

И Белочка отвечала:

— Ты убил мою мать, может быть, ты разыскиваешь свою, чтобы убить ее тоже?

И Мальчик-звезда опустил голову, и заплакал, и стал просить прощения у всех божьих тварей, и углубился дальше в лес, продол-

жая свои поиски. А на третий день, пройдя через весь лес, он вышел на опушку и спустился в долину.

И когда он проходил через селение, дети дразнили его и бросали в него камнями, и крестьяне не позволяли ему даже соснуть в амбаре, боясь, что от него может сесть плесень на зерно, ибо он был очень гадок с виду, и приказывали работникам прогнать его прочь, и ни одна душа не сжалилась над ним. И нигде не мог он ничего узнать о нищенке, которая была ему матерью, хотя вот уже три года бродил он по свету, и не раз казалось ему, что он видит ее впереди на дороге, и тогда он принимался звать ее и бежал за ней, хотя острый щербень ранил его ступни и из них сочилась кровь. Но он не мог ее догнать, а те, кто жил поблизости, утверждали, что они не видели ни ее, ни кого-либо похожего с виду, и потешались над его горем.

Три полных года бродил он по свету и нигде никогда не встречал ни любви, ни сострадания, ни милосердия; весь мир обошелся с ним так же, как поступал он сам в дни своей гордыни.

И вот однажды вечером он подошел к городу, расположенному на берегу реки и обнесенному высокой крепостной стеной, и приблизился к воротам, и хотя он очень устал и натрудил ноги, все же он хотел войти в город. Но воины, стоявшие у ворот на страже, скрестили свои алебарды и грубо крикнули ему:

— Что нужно тебе в нашем городе?

— Я разыскиваю мою мать,— отвечал он,— и молю вас, дозвоьте мне войти в город, ведь может случиться, что она там.

Но они стали насмехаться над ним, и один из них, тряся черной бородой, поставил перед ним свой щит и закричал:

— Воистину твоя мать возрадуется, увидав тебя, ведь ты безобразней, чем жаба в болоте или гадюка, выползшая из топи. Убирайся отсюда! Убирайся! Твоей матери нет в нашем городе.

А другой, тот, что держал в руке древко с желтым стягом, сказал ему:

— Кто твоя мать и почему ты разыскиваешь ее?

И он отвечал:

— Моя мать живет подаянием, так же, как и я, и я обошелся с ней очень дурно и молю тебя: дозвожь мне пройти, чтобы я мог испросить у нее прощения, если она живет в этом городе.

Но они не захотели его пропустить и стали колоть своими пиками.

А когда он с плачем повернул обратно, некто в кольчуге, разукра-

шенной золотыми цветами, и в шлеме с гребнем в виде крылатого льва приблизился к воротам и спросил воинов, кто тут просил дозволения войти в город. И воины отвечали ему:

— Это нищий и сын нищенки, и мы прогнали его прочь.

— Ну нет,— рассмеявшись, сказал тот,— мы продадим это мерзкое создание в рабство, и цена его будет равна цене чаши сладкого вина.

А в это время мимо проходил какой-то страшный и злой с виду старик и, услышав эти слова, сказал:

— Я заплачу за него эту цену.— И, заплатив ее, взял Мальчика-звезду за руку и повел в город.

Они прошли много улиц и подошли наконец к маленькой калитке в стене, затененной большим гранатовым деревом. И старик коснулся калитки яшмовым перстнем, и она отворилась, и они спустились по пяти бронзовым ступеням в сад, где цвели черные маки и стояли зеленые глиняные кувшины. И тогда старик вынул из своего тюрбана узорчатый шелковый шарф, и завязал им глаза Мальчику-звезде, и повел его куда-то, толкая перед собой. А когда он снял повязку с его глаз, Мальчик-звезда увидел, что он находится в темнице, которая освещалась фонарем, повешенным на крюк.

И старик положил перед ним на деревянный лоток ломоть заплесневелого хлеба и сказал:

— Ешь.

И поставил перед ним чашу с солоноватой водой и сказал:

— Пей.

И когда Мальчик-звезда поел и попил, старик ушел, и запер дверь темницы на ключ, и закрепил железной цепью.

* * *

На следующее утро старик, который на самом деле был одним из самых искусных и коварных волшебников Ливии и научился своему искусству у другого волшебника, обитавшего в гробнице на берегу Нила, вошел в темницу, хмуро поглядел на Мальчика-звезду и сказал:

— В том лесу, что неподалеку от ворот этого города гяуров, скрыты три золотые монеты — из белого золота, из желтого золота и из красного золота. Сегодня ты должен принести мне монету из белого золота, а если не принесешь, получишь сто плетей. Поспеш, на зака-

те солнца я буду ждать тебя у калитки моего сада. Смотри принеси мне монету из белого золота, или тебе будет плохо, потому что ты мой раб и я уплатил за тебя цену целой чаши сладкого вина.— И он завязал глаза Мальчику-звезде шарфом узорчатого шелка, и вывел его из дома в сад, где росли черные маки, и, заставив подняться на пять медных бронзовых ступенек, отворил с помощью своего перстня калитку.

И Мальчик-звезда вышел из калитки, прошел через город и вступил в лес, о котором говорил ему Волшебник.

А лес этот издали казался очень красивым, и мнилось, что он полон певчих птиц и ароматных цветов, и Мальчик-звезда радостно углубился в него. Но ему не довелось насладиться красотой леса, ибо, куда бы он ни ступил, повсюду перед ним поднимался из земли колючий кустарник, полный острых шипов, и ноги его обжигала злая крапива, и чертополох колол его своими острыми, как кинжал, колючками, и Мальчику-звезде приходилось очень плохо. А главное, он нигде не мог найти монету из белого золота, о которой говорил ему Волшебник, хотя и разыскивал ее с самого утра до полудня и от полудня до захода солнца. Но вот солнце село, и он побрел домой, горько плача, ибо знал, какая участь его ожидает.

Но когда он подходил к опушке леса, из чащи до него долетел крик,— казалось, кто-то взывает о помощи. И, позабыв про свою беду, он побежал на этот крик и увидел маленького Зайчонка, который попал в силоч, расставленный каким-то охотником.

И Мальчик-звезда сжалился над Зайчонком, и освободил его из силка, и сказал ему:

— Сам я всего лишь раб, но тебе я могу даровать свободу.

А Зайчонок ответил ему так:

— Да, ты даровал мне свободу, скажи, чем могу я отблагодарить тебя?

И Мальчик-звезда сказал ему:

— Я ищу монету из белого золота, но нигде не могу найти ее, а если я не принесу ее своему хозяину, он побьет меня.

— Ступай за мной,— сказал Зайчонок,— и я отведу тебя туда, куда тебе нужно, потому что я знаю, где спрятана эта монета и зачем.

Тогда Мальчик-звезда последовал за маленьким Зайчонком, и что же он увидел? В дупле большого дуба лежала монета из белого золо-

та, которую он искал. И Мальчик-звезда несказанно обрадовался, схватил ее и сказал Зайчонку:

— За услугу, которую я оказал тебе, ты отблагодарил меня сто-рицей, и за добро, что я для тебя сделал, ты воздал мне стократ.

— Нет,— отвечал Зайчонок,— как ты поступил со мной, так и я поступил с тобой,— и он проворно поскакал прочь, а Мальчик-звезда направился в город.

Теперь следует сказать, что у городских ворот сидел прокаженный. Лицо его скрывал серый холщовый капюшон, и глаза его горели в прорезях, словно угли, и когда он увидел приближавшегося к воротам Мальчика-звезду, он загремел своей деревянной миской, и зазвонил в свой колокольчик, и крикнул ему так:

— Поддай мне милостыню, или я должен буду умереть с голоду. Ибо они изгнали меня из города, и нет никого, кто бы сжалился надо мной.

— Увы! — вскричал Мальчик-звезда.— У меня в кошельке есть только одна-единственная монета, и если я не отнесу ее моему хозяину, он прибьет меня, потому что я его раб.

Но прокаженный стал просить его и умолять и делал это до тех пор, пока Мальчик-звезда не сжалился над ним и не отдал ему монету из белого золота.

Когда же он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес монетку из белого золота? — И Мальчик-звезда ответил:

— Нет, у меня ее нет.

И тогда Волшебник набросился на него, и стал его колотить, и поставил перед ним пустой деревянный лоток для хлеба, и сказал:

— Ешь.— И поставил перед ним пустую чашку и сказал:— Пей.— И снова бросил его в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты не принесешь мне монету из желтого золота, ты навсегда останешься моим рабом и получишь от меня триста плетей.

Тогда Мальчик-звезда направился в лес и целый день искал там монету из желтого золота, но не мог нигде найти ее. А когда закатилось солнце, он опустился на землю и заплакал, и пока он сидел

так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок, которого он освободил из силка.

И Зайчонок спросил его:

— Почему ты плачешь? И чего ты ищешь в лесу?

И Мальчик-звезда отвечал:

— Я ищу монету из желтого золота, которая здесь спрятана, и если я не найду ее, мой хозяин побьет меня и навсегда оставит у себя в рабстве.

— Следуй за мной! — крикнул Зайчонок и поскакал через лес, пока не прискакал к небольшому озеру. А на дне озера лежала монета из желтого золота.

— Как мне благодарить тебя? — сказал Мальчик-звезда. — Ведь вот уж второй раз, как ты выручаешь меня.

— Ну и что ж, зато ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно поскакал прочь.

И Мальчик-звезда взял монету из желтого золота, положил ее в свой кошелек и поспешил в город. Но прокаженный увидел его на дороге, и побежал ему навстречу, и упал перед ним на колени, крича:

— Поддай мне милостыню, или я умру с голоду!

Но Мальчик-звезда сказал ему:

— У меня в кошельке нет ничего, кроме монеты из желтого золота, но если я не принесу ее моему хозяину, он побьет меня и навеки оставит у себя в рабстве.

Но прокаженный молил его сжалиться над ним, и Мальчик-звезда пожалел его и отдал ему монету из желтого золота.

* * *

А когда он подошел к дому Волшебника, тот отворил калитку, и впустил его в сад, и спросил его:

— Ты принес мне монету из желтого золота?

И Мальчик-звезда ответил:

— Нет, у меня ее нет.

И Волшебник набросился на него, и стал его избивать, и заковал его в цепи, и снова вверг в темницу.

А наутро Волшебник пришел к нему и сказал:

— Если сегодня ты принесешь мне монету из красного золота, я отпущу тебя на свободу, а если не принесешь, я убью тебя.

И Мальчик-звезда отправился в лес и целый день разыскивал там монету из красного золота, но нигде не мог ее найти. Когда же стемнело, он сел и заплакал, и пока он сидел так, проливая слезы, к нему прибежал маленький Зайчонок.

И Зайчонок сказал ему:

— Монета из красного золота, которую ты ищешь, находится в пещере, что у тебя за спиной. Так что перестань плакать и возрадуйся.

— Как могу я отблагодарить тебя! — воскликнул Мальчик-звезда. — Ведь уже третий раз ты выручаешь меня из беды:

— Но ты первый сжалился надо мной, — сказал Зайчонок и проворно ускакал прочь.

А Мальчик-звезда вошел в пещеру и в глубине ее увидел монету из красного золота. Он положил ее в свой кошелек и поспешил вернуться в город. Но когда прокаженный увидел его, он стал посреди дороги и громко закричал, вызывая к нему:

— Отдай мне монету из красного золота, или я умру!

И Мальчик-звезда снова пожалел его и отдал ему монету из красного золота, сказав:

— Твоя нужда больше моей.

Однако сердце его сжалось от тоски, ибо он знал, какая страшная судьба его ожидает.

* * *

Но чудо! Когда проходил он городские ворота, воины низко склонились перед ним, отдавая ему почести и восклицая:

— Как прекрасен господин наш!

А толпа горожан следовала за ним, и все твердили:

— Воистину не найдется никого прекраснее во всем мире!

И Мальчик-звезда заплакал и сказал себе:

— Они смеются надо мной и потешаются над моей бедой.

Но так велико было стечение народа, что он сбился с дороги и пришел на большую площадь, где стоял королевский дворец.

И ворота дворца распахнулись, и навстречу Мальчику-звезде поспешили священнослужители и знатнейшие вельможи города и, смиренно поклонившись ему, сказали:

— Ты — наш господин, которого мы давно ожидаем, и сын нашего государя.

А Мальчик-звезда сказал им в ответ:

— Я не королевский сын, я сын бедной нищенки. И зачем говорите вы, что я прекрасен, когда я знаю, что вид мой мерзок?

И тогда тот, чья кольчуга была разукрашена золотыми цветами и на чьем шлеме гребень был в виде крылатого льва, поднял свой щит и вскричал:

— Почему господин мой не верит, что он прекрасен?

И Мальчик-звезда посмотрелся в щит, и что же он увидел? Его красота вернулась к нему, и лицо его стало таким же, каким было прежде, только в глазах своих он заметил что-то новое, чего раньше никогда в них не видел.

А священнослужители и вельможи преклонили перед ним колена и сказали:

— Было давнее пророчество, что в день этот придет к нам тот, кому суждено править нами. Так пусть же господин наш возьмет эту корону и этот скипетр и станет нашим королем, справедливым и милосердным.

Но Мальчик-звезда отвечал им:

— Я недостойн этого, ибо я отрекся от матери, которая носила меня под сердцем, и теперь ищущу ее, чтобы вымолить у нее прощение, и не будет мне покоя, пока я не найду ее. Так отпустите же меня, ибо должен я вновь отправиться странствовать по свету и нельзя мне медлить здесь, хоть вы и предлагаете мне корону и скипетр.

И, сказав это, он отвернулся от них и обратил свое лицо к улице, тянувшейся до самых городских ворот. И что же он увидел? Среди толпы, оттеснившей стражу, стояла нищенка, которая была его матерью, а рядом с ней стоял прокаженный.

И крик радости сорвался с его уст, и, бросившись к своей матери, он осыпал поцелуями раны на ее ногах и оросил их слезами. Он склонил свою голову в дорожную пыль и, рыдая так, словно сердце его разрывалось, сказал:

— О мать моя! Я отрекся от тебя в дни моей гордыни. Не отринь же меня в час моего смирения. Мать моя, я дал тебе ненависть. Одари же меня любовью. Мать моя, я отверг тебя. Прими же свое дитя.

Но нищенка не ответила ему ни слова.

И он простер руки к прокаженному и припал к его стопам, говоря:

— Трижды оказал я тебе милосердие. Умоли же мою мать ответить мне хоть единый раз.

Но прокаженный хранил безмолвие.

И снова зарыдал Мальчик-звезда и сказал:

— О мать моя, это страдание мне не по силам. Даруй мне свое прощение и позволь вернуться в наш бор.

И нищенка положила руку на его голову и сказала:

— Встань!

И прокаженный положил руку на его голову и тоже сказал:

— Встань!

И он встал с колен и посмотрел на них. И что же! Перед ним были Король и Королева.

И Королева сказала ему:

— Вот твой отец, которому ты помог в час нужды.

А Король сказал:

— Вот твоя мать, чьи ноги ты омыл своими слезами.

И они пали в его объятия, и осыпали его поцелуями, и отвели во дворец, где облекли его в дивные одежды, и возложили на его голову корону, и дали ему в руки скипетр, и он стал властелином города,

который стоял на берегу реки. И был он справедлив и милосерден ко всем. Он изгнал злого Волшебника, а Лесорубу и его жене послал богатые дары, а сыновей их сделал вельможами. И он не позволял никому обращаться жестоко с птицами и лесными зверями, и всех учил добру, любви и милосердию. И он кормил голодных и сирых, и одевал нагих, и в стране его всегда царили мир и благоденствие.

Но правил он недолго. Слишком велики были его муки, слишком тяжкому подвергся он испытанию,— и спустя три года он умер. А преемник его был тираном.

День рождения Инфанты

Был день рождения Инфанты. Ей исполнилось ровно двенадцать лет, и солнце ярко светило в дворцовых садах.

Хотя она была настоящая Принцесса, и притом наследная Принцесса Испанская, день рождения у нее, как и у бедных детей, бывал всего раз в году, и для всей страны, разумеется, было чрезвычайно важно, чтобы погода ради такого дня стояла хорошая. И погода действительно была очень хорошая.

Высокие полосатые Тюльпаны, вытянувшись на стеблях, как длинные шеренги солдат, говорили Розам, вызываясь поглядывая на них через лужайку:

— Смотрите, теперь мы такие же пышные, как и вы.

Алые бабочки с золотой пылью на крылышках навещали по очереди все цветы; маленькие ящерицы выползали из трещин стены и грелись, недвижимые, в ярком солнечном свете; гранаты лопались от зноя, обнажая свои красные, истекающие кровью сердца.

Даже бледно-желтые лимоны, которых столько свешивалось с полуразрушенных решеток и мрачных аркад, как будто сделались ярче от такого яркого солнца, а магнолии раскрыли шары своих больших цветов, наполняя воздух сладким и густым благоуханием.

Маленькая Принцесса прогуливалась по террасе со своими подругами, играла с ними в прятки вокруг каменных ваз и древних замшевых статуй. В обычные дни ей разрешалось играть только с детьми своего круга и звания, так что ей всегда приходилось играть одной; но день рождения был особенный день, и Король позволил Инфанте пригласить кого угодно из ее юных друзей и поиграть с ними.

Была какая-то величавая грация в этих тоненьких и хрупких испанских детях, когда они скользили неслышной поступью по дворцовому саду, мальчики в шляпах с огромными перьями и коротеньких развевающихся плащах, девочки в тяжелых парчовых платьях с длинными шлейфами, которые они придерживали рукой, заслоняясь от солнца большими веерами, черными с серебром.

Но всех грациознее была Инфанта и всех изящнее одета, хотя мода тогда была довольно стеснительной. Ее платье было из серого атласа, юбка и рукава-буфы богато расшиты серебром, а тугой корсаж — мелким жемчугом. Когда она шла, из-под платья выглядывали крохотные туфельки с пышными розовыми бантами. Большой газовый веер Инфанта тоже был розовый с жемчугом, а в ее волосах, которые, как венчик из тусклого золота, обрамляли ее бледное личико, красовалась дивная белая роза.

Из окна во дворце за ними следил грустный, унылый Король.

У него за спиною стоял его ненавистный брат, Дон Педро Арагонский, а рядом с ним сидел его духовник, Великий Инквизитор Гренады. Король был даже грустнее обычного, потому что, глядя, как Инфанта с детской серьезностью отвечает на поклон придворных или же, прикрывшись веером, смеется над мрачной герцогиней Альбукерской, своей неизменной спутницей, он думал о юной Королеве, ее матери, которая, как казалось ему, еще совсем недавно приехала из веселой французской земли и завяла среди мрачного великолепия испанского двора. Она умерла ровно полгода спустя после рождения Инфанта и не дождалась, чтоб еще раз зацвел в саду миндаль, и осенью этого года уже не срывала плодов со старого фигового дерева, стоявшего среди двора, ныне густо заросшего травой.

Так велика у Короля была любовь к ней, что он не позволил даже могиле скрыть возлюбленную от его взоров. Он велел набальзамовать ее мавританскому врачу, которого, как говорили, уже осудила на казнь святая инквизиция по обвинению в ереси и подозрению в магии и которому в награду за эту услугу была дарована

жизнь. Тело ее и поныне лежало на устланном коврами ложе в черной мраморной часовне дворца — совсем такое же, каким внесли его сюда монахи в тот ветреный мартовский день, почти двенадцать лет тому назад. Каждый месяц Король, закутанный в черный плащ и с потайным фонарем в руке, входил в часовню, опускался на колени перед катафалком и звал: «Mi reina! Mi reina!»¹. И порой, забыв об этикете, который в Испании управляет каждым шагом человека и ставит предел даже королевскому горю, он в безумной тоске хватал бледные руки, униженные дорогими перстнями, и пробовал разбудить страстными поцелуями холодное раскрашенное лицо.

Сегодня ему кажется, что он снова увидел ее такой же, как тогда, в первый раз, в замке Фонтенебло. Ему было всего пятнадцать лет, а ей и того меньше. В тот же день они были в присутствии короля и всего двора официально обручены папским нунцием, и королевич вернулся в Эскуриал, унося с собой легкий завиток золотистых волос и память о прикосновении детских губок, прильнувших с поцелуем к его руке, когда он садился в карету.

Некоторое время спустя их наскоро повенчали в Бургосе, маленьком городке на границе Франции и Испании, и они торжественно въехали в Мадрид, где, по обычаю, отслужили торжественную мессу в церкви La Atocha и было устроено необычайно величественное аутодафе², для которого светским властям было передано на сожжение около трехсот еретиков, в том числе много англичан.

Он безумно любил ее, любил, как думали многие, на погибель своей стране, воевавшей в то время с Англией за обладание империей Нового Света. Он ни на шаг не отходил от нее; ради нее он готов был, казалось, забыть самые важные государственные дела и, ослепленный страстью, не замечал, что его церемонная вежливость, которой он пытался угодить ей, только усиливала странную болезнь, подтачивавшую ее здоровье. Когда она умерла, он на какое-то время почти лишился рассудка. Он даже отрекся от трона и удалился бы в большой траппистский монастырь в Гренаде, почетным приором которого состоял с давних пор, если б только не боялся оставить маленькую Инфанту на попечение своего брата, сумевшего даже в Испании прославиться своей жестокостью. Поговаривали, что это он был при-

¹ Моя королева! Моя королева! (исп.)

² Инквизиционный костер для грешников.

чиной смерти Королевы, преподнеся ей пару отравленных перчаток во время посещения королевской четой его дворца в Араге. Даже когда истек срок трехгодичного траура, объявленного королевским указом во всех владениях испанской короны, Король не позволял своим министрам даже и речь заводить о новом браке; а когда сам Император заслал к нему сватов, предлагая ему в жены свою племянницу, прелестную эрцгерцогиню Богемскую, он попросил их передать своему господину, что он уже обвенчан с Печалью и, хотя эта супруга бесплодна, он все же предпочитает ее Красоте. Ответ этот стоил испанской короне богатых Нидерландских провинций, которые вскоре, по наущению Императора, восстали против Испании под предводительством нескольких фанатиков протестантов.

Вся его супружеская жизнь, с ее неистовыми пылкими радостями, и страшная мука, которую он пережил, когда всему вдруг пришел конец,— все это как будто вернулось к нему теперь, когда он в окно наблюдал за Инфантой, резвящейся на террасе. В ней была милая живость ее матери, та же своевольная манера вскидывать головку, тот же гордый изгиб прекрасного рта, та же дивная улыбка,— *vrai sourire de France*¹, когда она порою взглядывала на окно или протягивала какому-нибудь статному испанцу свою крохотную ручку для поцелуя. Но громкий детский смех резал его ухо: безжалостное яркое солнце словно издевалось над его горем, а свежий утренний воздух был пропитан, казалось, тяжелым запахом снадобий, какие употребляют при бальзамировании. Король закрыл лицо руками, и, когда Инфанта снова подняла глазки к окну, занавеси были уже спущены и Король исчез.

Инфанта сделала недовольную гримаску и пожала плечиками,— уж мог бы он с ней побыть в день ее рождения. Кому они нужны, эти глупые государственные дела! Или, может быть, он отправился в ту мрачную часовню, где всегда горят свечи и куда ей запрещают входить? Как это глупо с его стороны, когда солнце светит так ярко и всем так весело! И вот теперь он не увидит шуточного боя быков, на который уже сзывают трубы, не увидит марионеток и других удивительных забав. Ее дядя и Великий Инквизитор куда разумнее. Они пришли на террасу и были с ней так любезны.

Она тряхнула своей хорошенькой головкой и, взяв под руку Дона

¹ Настоящая французская улыбка (*франц.*).

Педро, стала медленно спускаться по ступенькам к длинному, обтянутому алым шелком павильону, воздвигнутому в конце сада; остальные дети двинулись за ней следом один за другим, соответственно знатности рода. Те, у которых были самые длинные имена, шествовали впереди.

Навстречу Инфанте вышла процессия мальчиков из самых знатных семейств, одетых в фантастические костюмы тореадоров, и юный граф Тьерра-Нуэва, изумительно красивый мальчик лет четырнадцати, обнажив голову с грацией прирожденного гidalго и гранда испанского, торжественно подвел ее к возвышению над ареной, где стояло небольшое золоченое кресло, инкрустированное слоновой костью. Дети собрались вокруг нее, перешептываясь между собой и обмахиваясь большими веерами, а Дон Педро и Великий Инквизитор, смеясь, остались у входа. Даже герцогиня, — главная камерера, как ее называли, — тощая суровая женщина в желтых брыжах, не казалась такой сердитой, как обыкновенно, и что-то вроде холодной улыбки скользило по ее морщинистому лицу, кривя тонкие, бескровные губы.

Это, бесспорно, был чудесный бой быков — гораздо красивее, по мнению Инфанты, настоящего, на который ее возили в Севилью, когда у ее отца гостил герцог Пармский. Некоторые из мальчиков гарцевали на палочках, покрытых роскошными чепраками, и размахивали длинными пиками с веселыми пучками ярких лент; другие прыгали перед быком, дразня его своими красными плащами и легко вскакивая на барьер, когда бык кидался на них; что касается самого быка, он был совсем как настоящий, хотя и сделан из ивовых прутьев, обтянутых кожей, и порой предпочитал бегать вдоль арены на задних ногах, что, конечно, никогда не взбрело бы в голову живому быку. Сражался он великолепно, и дети пришли в такое возбуждение, что вскакивали на скамейку, махали кружевными платочками и кричали: «Браво, торо! Браво, торо!» — совсем как взрослые.

Наконец после продолжительного боя, во время которого бык проколол своими рогами немало игрушечных лошадок и выбил из седла их наездников, юный граф Тьерра-Нуэва заставил быка стать на колени и, получив от Инфанты разрешение нанести ему *coup de grâce*, с такой силой вонзил свою деревянную шпагу в шею животному, что голова отскочила, и все увидели смеющееся личико маленького мосье де Лоррэн, сына французского посланника в Мадриде.

Еще не смолкли громкие рукоплескания, а арена была уже очищена, и погибших лошадок торжественно уволокли со сцены два мавританских пажа в желтых с черным ливреях; и после краткой интермедии, во время которой француз гимнаст плясал на туго натянутом канате, на сцене небольшого театра, нарочно для этого случая построенного, была представлена итальянскими куклами полуклассическая трагедия «Софонисба». Они играли так чудесно, и жесты их были так естественны, что к концу спектакля глазки Инфанты затуманились от слез. Некоторые из детей плакали во весь голос, и приходилось утешать их сладостями. Даже сам Великий Инквизитор был так растроган, что не удержался и сказал Дону Педро, как ему больно видеть, что простые куклы на проволоках, из дерева и крашеного воска могут быть так несчастны и переживать такие тяжкие бедствия.

Затем появился африканец фокусник, который принес с собой большую плоскую корзину, покрытую красным сукном, поставил ее посредине арены, достал из своего тюрбана какую-то чудную дудку из тростника и начал на ней играть. Немного спустя сукно зашевелилось, и, когда звуки дудки стали резче и пронзительней, из-под него высоко подняли свои странные клинообразные головы две изумрудно-золотистые змеи и медленно стали раскачиваться под музыку, словно растения в воде. Детей, однако, пугали их пятнистые клубочки и проворные острые жала, им гораздо больше понравилось, когда у них на глазах, по воле фокусника, выросло из песка крохотное апельсинное деревце, которое тут же покрылось хорошенькими белыми цветочками, а затем и настоящими плодами. Когда же фокусник взял у маленькой дочки маркизы де Лас-Торрес веер и превратил его в синюю птицу, которая стала с пением носиться по павильону, их изумление и восторг не знали границ.

Торжественный менуэт, исполненный маленькими танцовщиками из церкви Нуэстра Сеньора Дель Пилар, тоже понравился им. Инфанта никогда еще не видала этого удивительного обряда, совершаемого ежегодно в мае в честь пресвятой Богородицы пред ее высоким престолом, потому что никто из членов испанского королевского дома ни разу не переступил порог большого сарагосского собора с тех пор, как сумасшедший священник, подкупленный, как подозревали, королевой Елизаветой Английской, пытался причастить там принца Астурийского отравленной облаткой. Инфанта только понаслышке знала

о «танце Богородицы» и нашла, что он действительно очень красив. Мальчики-танцоры были в старинных придворных костюмах из белого бархата и диковинных треуголках, обшитых серебряным галуном и увенчанных большими страусовыми плюмажами. Их смуглые лица и длинные черные волосы еще больше оттеняли ослепительную белизну этих костюмов. Все были очарованы важностью и достоинством, с которыми они выполняли замысловатые фигуры танца, изысканной грацией их медлительных жестов и величавых поклонов, и в конце, когда они, сняв свои огромные, украшенные перьями шляпы, склонились перед Инфантой, она чрезвычайно любезно ответила на их поклон и мысленно дала себе обет поставить большую восковую свечу пред алтарем пресвятой девы Дель Пилар, в благодарность за доставленное удовольствие.

А потом на арене появилась группа красавцев египтян, как в те дни называли цыган; они уселись в кружок, поджав под себя ноги, и тихонько заиграли на цитрах, раскачиваясь в такт музыке и едва слышно напевая что-то мечтательное и тягучее. Когда они заметили Дона Педро, они нахмурились и на лицах некоторых из них изобразился ужас, ибо всего лишь за несколько недель перед тем Дон Педро велел повесить в Севилье на рыночной площади двух человек из их племени за колдовство, но хорошенькая Инфанта, которая слушала их, откинувшись на спинку кресла, и мечтательно глядела большими голубыми глазами вверх своего веера, совсем их пленила. Они почувствовали уверенность, что такое прелестное существо не способно на жестокость. И они продолжали играть тихо и нежно, едва касаясь струн длинными ногтями и кивая головами, словно в полудремоте. И вдруг с таким пронзительным криком, что все дети вздрогнули, а рука Дона Педро стиснула агатовую рукоять кинжала, египтяне вскочили на ноги и закружились как бешеные вокруг арены, ударяя в свои тамбурины и распевая какую-то дикую любовную песню на своем странном гортанном языке. Затем все разом кинулись на землю, и теперь только глухой звон цитр нарушал тишину. Повторив это несколько раз, они на миг исчезли и вывели на цепи косматого бурого медведя. На плечах у них сидело несколько крохотных барбарийских обезьянок. Медведь с необычайной серьезностью встал на голову, а обезьянки со сморщенными личиками стали проделывать всякие забавные штуки. Они фехтовались крохотными шпагами с двумя цыганами, по-видимому их хозяевами, стреляли из

ружей, а потом выстроились в ряд и начали делать солдатские артикулы — совсем как на ученье королевской лейб-гвардии. Цыгане очень понравились детям.

Но самым забавным развлечением этого утра были, бесспорно, танцы маленького Карлика. Когда он ввалился на арену, ковыляя на кривых, коротеньких ножках и мотая огромной безобразной головой, дети подняли восторженный крик и даже сама Инфанта так смеялась, что Камеристка вынуждена была напомнить ей, что хотя в Испании не раз видали королевских дочерей, плачущих перед равными, однако неслыханное дело, чтобы Принцесса королевской крови веселилась так в присутствии тех, кто ниже ее по рождению.

Однако Карлик был действительно неотразим, и даже при испанском дворе, известном своим пристрастием ко всему ужасному и безобразному, такого фантастического маленького чудовища еще не видали. Да этот Карлик и не выступал прежде. Его нашли всего за день до того. Двое грандов, охотившихся в отдаленной части пробкового леса, окружавшего город, встретили его, когда он бежал опрометью через лес, и привезли с собою во дворец, чтоб устроить Инфанте сюрприз; отец его, бедный угольщик, был только рад избавиться от такого уродливого и бесполезного ребенка. Самое забавное в Карлике было, быть может, то, что сам он совершенно не сознавал, как он уродлив и смешон. Напротив, он казался счастлив и весел необычайно. Когда дети смеялись, и он смеялся, так же непринужденно и радостно, и по окончании каждого танца отвешивал каждому из них в отдельности уморительнейшие поклоны, улыбаясь и кивая головою, словно сам он был такой же, как они, а не маленький уродец, которого природа однажды под веселую руку создала на потеху другим. Инфантою он был очарован безмерно, не мог от нее глаз оторвать и, казалось, плясал для нее одной. И когда, вспомнив, как на ее глазах знатные придворные дамы бросали букеты Кафарелли, знаменитому итальянскому дисканту, которого Папа прислал в Мадрид из собственной домово́й церкви в надежде, что сладкие звуки его голоса исцелят тоску Короля, она вынула из волос красивую белую розу и, шутики ради, а также для того, чтобы позлить Камеристку, с очаровательной улыбкой бросила эту розу через всю арену Карлику, тот принял это совсем всерьез, прижал цветок к губам, уродливым и толстым, приложил руку к сердцу и опустился перед Инфантой на одно

колено, причем радостная улыбка растянула рот его до ушей, а маленькие светлые глазки заискрились от удовольствия.

После этого Инфанта положительно не в состоянии была оставаться серьезной и продолжала смеяться еще долго после того, как Карлик убежал с арены, и попросила дядю, чтобы танец немедленно был повторен. Камеристка, однако ж, сославшись на чрезмерную жару, заявила, что для ее высочества лучше будет немедленно вернуться во дворец, где для нее уже приготовлен роскошный пир и уже стоит на столе настоящий именинный пирог, с инициалами новорожденной из крашеного и красивым серебряным флагом на верхушке. Инфанта с большим достоинством поднялась с места, приказала, чтоб маленький Карлик еще раз проплясал перед нею после съесты, и, поблагодарив юного графа Тьерра-Нуэва за чудесный прием, удалилась в свои апартаменты. За нею двинулись прочие дети, в том же порядке, как пришли.

Когда маленькому Карлику сказали, что он будет еще раз танцевать перед Инфантой по ее личному особому приказу, он так обрадовался, что убежал в сад, в нелепом восторге покрывая поцелуями белую розу и выражая свое счастье самыми дикими и неуклюжими жестами.

Цветы пришли в негодование от дерзкого вторжения уродца в их прекрасную обитель; когда же они увидели, как он скачет по дорожкам, смешно и неуклюже размахивая руками над головой, они уже не в состоянии были дольше сдерживаться.

— Право же, он слишком безобразен, чтобы позволять ему играть в тех местах, где находимся мы! — восклицали Тюльпаны.

— Напоить бы его маковым цветом, чтобы он уснул на тысячу лет, — говорили высокие огненно-красные Лилии и от гнева запылали еще ярче.

— Ужас, прямо ужас, до чего он безобразен! — взвизгнул Кактус. — Он весь искривленный, приземистый, и голова у него несообразно велика по сравнению с ногами. При виде его у меня колючки встают дыбом, и, если он только подойдет ко мне, я его исколю своими шипами.

— И у него в руках к тому же один из лучших моих цветков, — воскликнул Куст Белых Роз. — Я сам подарил его нынче утром Инфанте ко дню рождения, а он его украл у нее. — И он закричал что было силы: — Вор! Вор! Вор!

Даже красные Герани, которые вообще-то не спесивы,— у них у самих куча бедных родственников,— так и скручивались все от отвращения, и когда Фиалки скромно заметили, что хоть он и очень некрасив, но не по своей же вине,— Герани не без основания возразили, что в том-то и беда, и что раз он неизлечим, нет оснований восхищаться им только за это. Да и некоторые из Фиалок сами чувствовали, что Карлик как будто даже кичится своим безобразием, выставляя его напоказ, и что он выказал бы гораздо больше вкуса, если б принял печальный или хотя бы задумчивый вид, вместо того чтоб прыгать и скакать по дорожкам, принимая такие причудливые и нелепые позы.

Что касается старых Солнечных Часов — особы выдающейся и некогда указывавшей время самому Императору Карлу V,— то они до того были поражены видом маленького Карлика, что чуть не забыли отметить целых две минуты своим длинным тeneвым пальцем и не удержались, чтобы не сказать большому молочно-белому Павлину, гревшемуся на солнышке на балюстраде, что, мол, всем известно, что царские дети — это царские дети, а дети угольщика — это дети угольщика, и не к чему уверять, будто это не так, с чем Павлин всецело согласился и даже крикнул:

«Несомненно! Несомненно!» — таким пронзительным и резким голосом, что Золотые Рыбки, жившие в бассейне фонтана, от которого веяло прохладой, высунули головки из воды и спросили у огромных каменных Тритонов, в чем дело и что произошло.

А вот птицам Карлик почему-то понравился. Они и раньше часто видали в лесу, как он плясал, подобно эльфу, гоняясь за подхваченными ветром листьями, или же, свернувшись клубочком где-нибудь в дупле старого дуба, делил с белками собранные им орехи. И они ничуть не возмущались его безобразием. Ведь и соловей, который по вечерам пел в апельсиновых рощах так сладко, что даже Луна иной раз склоняла свой лик, чтобы послушать его, был не великий красавец; к тому же мальчик был добр к ним, и в жестокую зимнюю стужу, когда на деревьях нет ягод и земля становится тверда, как железо, а волки подходят в поисках пищи к самым городским воротам, он никогда не забывал о них и всегда бросал им черные крошки от своего ломтя и делил с ними свой завтрак, как бы он ни был скуден.

И птицы порхали вокруг него, задевая крылышками его щеки, и щебетали меж собою, и маленький Карлик был так счастлив, что не мог удержаться, и похвастался перед ними пышною белою розой, сказав, что эту розу подарила ему сама Инфанта, потому что она любит его.

Птицы не поняли ни слова, но это не беда, потому что они с задумчивым видом склонили головки набок, а это все равно что понимать, да к тому же много легче.

Ящерицам он также очень понравился; и когда он устал бегать и прилег на траву отдохнуть, они подняли веселую возню вокруг него и на нем самом и всячески старались позабавить его.

— Не всем же быть такими красивыми, как ящерицы, — этого нельзя и требовать, — говорили они. — И, хотя это звучит нелепо, в сущности, он не так уж безобразен, если, конечно, закрыть глаза и не смотреть на него.

Ящерицы — прирожденные философы, и они часами способны сидеть на одном месте и размышлять, когда им больше нечего делать или когда погода слишком дождливая.

Цветам, однако, очень не понравилось их поведение, равно как и поведение птиц.

— Это только показывает, — говорили они, — какими вульгарны-

ми становятся те, кто все время летает и бегаёт. Хорошо воспитанные создания, вроде нас, всегда стоят на одном месте. Кто видел, чтобы мы метались взад и вперед по дорожкам или же скакали как безумные по траве в погоне за какою-нибудь стрекозою? Когда мы испытываем потребность в перемене воздуха, мы посылаем за садовником, и он пересаживает нас на другую клумбу. Это — прилично, это вполне *comme il faut*, но ящерицы и птицы не ценят покоя, у птиц даже нет постоянного адреса. Они просто бродяги, вроде цыган, с ними и обращаться надо как с бродягами.

Цветы вздернули носики, приняли высокомерный вид и были очень довольны, когда немного погодя маленький Карлик встал с травы и заковылял к дворцовой террасе.

— Право же, его следовало бы запереть до конца жизни, — говорили они. — Вы только посмотрите, какой у него горб на спине! А ноги какие кривые! — И они захихикали.

А маленький Карлик и не подозревал об этом. Он страшно любил птиц и ящериц и находил, что цветы — самое удивительное, что только есть на свете, конечно за исключением Инфанта; но ведь Инфанта дала ему дивную белую розу, и она любит его, а это другое дело! Как ему хотелось быть опять вместе с нею. Она посадила бы его по правую руку от себя и улыбалась бы ему, и он никогда больше не ушел бы от нее, а сделал бы ее своим товарищем и научил бы ее всяким восхитительным штучкам. Ибо, хотя он никогда раньше не бывал во дворце, он знал множество удивительных вещей. Он умел, например, делать из тростника крохотные клетки для кузнечиков, чтоб они сидели и пели там, и превращать суставчатый длинный бамбук в такую свирель, которой заслушался бы сам Пан. Он умел подражать птичьим голосам и мог позвать скворца с верхушки дерева и цаплю с болота. Он знал, какое животное какие оставляет за собою следы, и умел выследить зайца по легким отпечаткам его лапок и кабана по растоптанным листьям. Ему были знакомы все пляски людей, живущих среди природы: и бешеный танец осени в одежде из багряницы, и легкая пляска в васильковых сандалиях среди спелых хлебов, и танец зимы с венками из сверкающего белого снега, и вешняя пляска в цветущих фруктовых садах.

Он знал, где вьют свои гнезда дикие голуби, и как-то раз, когда голубь с голубкой попались в силки птицелова, он сам воспитал покинутых птенцов и устроил для них маленькую голубятню в трещине

расколотого вяза. Голуби выросли совсем ручные и каждое утро кормились из его рук. Они, наверное, понравились бы Инфанте, как и кролики, шнырявшие в высоких папоротниках, и сойки с твердыми перышками и черными клювами, и ежи, умеющие свертываться в колючие шарики, и большие умные черепахи, которые медленно ползают, трясая головами и грызя молодые листочки. Да, она обязательно должна прийти к нему в лес поиграть вместе с ним. Он уступит ей свою постельку, а сам будет сторожить за окном до рассвета, чтоб ее не обидели дикие зубры и не подкрались бы слишком близко к хижине отощавшие с голоду волки. А на рассвете он постучится в ставни и разбудит ее, и вместе они пойдут в лес и будут плясать целый день. В лесу, право же, совсем не скучно. Иной раз епископ проедет на своем белом муле, читая книжку с картинками. А то пройдут сокольничие в зеленых бархатных шапочках, в камзолах из дубленой оленьей кожи, и у каждого на руке по соколу, а голова у сокола покрыта кlobучком. А в пору уборки винограда проходят виноградари, и руки и ноги у них красные от виноградного сока, а на головах венки из глянцевитого плюща, и они несут мехи, из которых каплет молодое вино; а по вечерам вокруг больших костров усаживаются угольщики и смотрят, как медленно обугливаются в огне сухие поленья, и жарят в пепле каштаны, и разбойники выходят из своих пещер повеселиться вместе с ними.

Как-то он даже видел замечательную процессию, извивавшуюся, как змея, по длинной пыльной дороге, ведущей в Толедо. Впереди шли монахи, сладостно пели и несли яркие хоругви и золотые кресты, за ними в серебряных латах, с мушкетами и пиками шли солдаты, а посреди солдат — трое босоногих людей с зажженными свечами в руках и в странной желтой одежде, сплошь разрисованной какими-то удивительными фигурами. Уж в лесу-то есть на что посмотреть; а когда она устанет, он отыщет для нее мягкое ложе из мха или же понесет ее на руках, потому что он ведь очень сильный, хоть и сам знает, что невысок ростом. Он сделает ей ожерелье из красных ягод брионии, которые так же красивы, как те белые ягоды, что нашиты у нее на платье; а если ей надоест это ожерелье, она может его бросить, и он найдет ей другое. Он будет приносить ей чашечки от желудей, и покрытые росой анемоны, и крохотных светлячков, которые будут искриться, как звезды, в бледном золоте ее волос.

Однако где же она? Он спросил об этом Белую Розу, но та не

ответила. Весь дворец, казалось, спал, и даже там, где ставни не были закрыты, окна были завешаны от яркого солнца тяжелыми занавесками. Карлик обошел кругом весь дворец, ища, как бы пробраться внутрь, и наконец заметил небольшую открытую дверь. Он проскользнул туда и очутился в роскошной зале — увы! — гораздо более пышной, чем лес: там всюду было столько позолоты и даже пол выстлан большими цветными камнями, уложенными в какие-то геометрические фигуры. Но маленькой Инфанти там не было; были только странные белые статуи на пьедесталах из яшмы, смотревшие на него с какой-то странной улыбкой печальными пустыми глазами.

В конце залы висела богато расшитая занавесь из черного бархата, усеянная солнцами и звездами — любимый узор короля, — да и черный цвет был его самый любимый. Может быть, она спряталась за этой занавесью? Во всяком случае, надо взглянуть.

Он тихонько подкрался к портьеру и отдернул ее. Нет, за портьерой была только другая комната, и она показалась ему еще красивей той, откуда он только что вышел. Стены здесь были увешаны зелеными гобеленами со множеством фигур, изображавших охоту, — произведение фламандских художников, потративших больше семи лет на эту работу. Некогда это была комната Иоанна Безумного — помешанного короля, который так страстно любил охоту, что в бреду нередко пытался вскочить на огромного вздыбившегося коня, вытканного на гобелене, стащить со стены оленя, на которого кидались большие собаки, затрубить в охотничий рог и заколоть ножом убегающую бледную лань. Ныне эта комната была превращена в залу совета, и на стоявшем посреди нее столе лежали красные портфели министров с тисненными испанскими золотыми тюльпанами, а также гербами и эмблемами Габсбургов.

Маленький Карлик в изумлении озибался вокруг и даже немножко побаивался идти дальше. Станные, безмолвные всадники, скакавшие так быстро и бесшумно по длинным лесным дорогам, напоминали ему страшных призраков, — о них он слышал от угольщиков, — компрачииков, которые охотятся только ночью, и если встретят человека, то превратят его в оленя и затравят насмерть. Но он вспомнил о маленькой Инфанте, и это придало ему мужества. Ему хотелось застать ее одну и сказать ей, что он ее тоже любит. Быть может, она в смежной комнате?

По мягким мавританским коврам он неслышно перебежал через

комнату и распахнул дверь. Нет, и там ее не было. Комната была совершенно пуста.

То была тронная зала, служившая для приема иностранных послов, когда Король — что в последнее время случалось нечасто — соглашался дать им личную аудиенцию; в этой самой зале много лет назад были приняты посланники из Англии, явившиеся сватать свою королеву, тогда одну из католических владык Европы, за старшего сына Императора. Стены здесь были обтянуты кордуанской золоченой кожей, а с черно-белого потолка свешивалась тяжелая люстра в триста восковых свечей. Под большим балдахином золотой парчи, на котором были вышиты мелким жемчугом кастильские львы и башни, стоял самый трон, с наброшенным на него роскошным покрывалом из черного бархата, затканного серебряными тюльпанами и украшенного пышной бахромой из серебра и жемчуга. На второй ступени трона стояла скамеечка с подушкой из серебряной парчи, на которой преклоняла колена Инфанта; а еще пониже и уже не под балдахином — кресло для папского нунция — единственного, кто имел право сидеть в присутствии Короля во время публичных церемоний, и кардинальская шапка его с плетеными алыми кистями лежала спереди на красном табурете. Против трона на стене висел портрет Карла V, изображенного во весь рост, в охотничьем костюме, с большою собакой; а всю середину другой стены занимал портрет Филиппа II, принимающего дары от Нидерландов. Между окон стоял шкафчик черного дерева с инкрустацией из слоновой кости и резьбой, воспроизводившей гольбейновскую Пляску Смерти, которая, говорили, была сделана рукой самого знаменитого мастера.

Но Карлика не слишком занимало все это великолепие. Он не отдал бы своей розы за все жемчуга балдахина, не отдал бы даже одного белого лепестка ее за самый трон. Ему нужно было совсем другое — повидать Инфанту прежде, чем она снова сойдет в павильон, и попросить ее уйти вместе с ним, когда он кончит танец. Здесь, во дворце, воздух тяжелый и спертый, а в лесу дует вольный ветер и солнечный свет играет на трепетных листьях, словно перебирая их золотыми руками. Там, в лесу, есть и цветы,— быть может, не такие пышные, как в дворцовом саду, но зато аромат их нежнее: ранней весной — гиацинты, что заливают багряной волной прохладные доли и холмы, поросшие травой; желтые первоцветы, что гнездятся целыми семьями среди узловатых корней старого дуба; светлый чисто-

тел и голубая вероника, золотые и лиловые ирисы. А на орешнике распускаются серенькие сережки, и наперстянка никнет под тяжестью своих пестрых чашечек, облепленных пчелами. Копья каштанов покрыты белыми звездочками, и луны боярышника бледны и прекрасны. Да она обязательно уйдет с ним — только бы ему найти ее. Она уйдет с ним в прекрасный лес, и он целыми днями будет плясать для ее удовольствия. При одной мысли об этом глаза его засветились улыбкой, и он перешел в соседнюю комнату.

Из всех комнат эта была самая светлая и самая красивая. Стены ее были обтянуты алой камчой, расшитой птицами и хорошенными серебряными цветочками; мебель была вся из литого серебра, с фестонами из цветочных гирлянд и раскачивающимися купидонами. Две большие ширмы, на которых были вышиты павлины и попугаи, отгораживали огромные камины, а пол, из оникса цвета морской воды, казалось, уходил в бесконечность. И в этой комнате Карлик был не один. На другом конце залы, в дверях, стояла какая-то маленькая фигурка и наблюдала за ним. У него забилося сердце; крик радости сорвался с его уст, и он вышел на свет. Одновременно с ним вышла и фигурка, и теперь он ясно мог разглядеть ее.

Инфанта? Как бы не так! Это было чудовище, — самое уморительное чудовище, когда-либо виденное им. Непропорционально сложенное, не так, как все прочие люди, с горбатой спиной, на кривых ногах, с огромной, мотающейся с боку на бок головой и спутанной гривой черных волос. Маленький Карлик нахмурился, и чудовище тоже нахмурилось. Он засмеялся, и оно засмеялось и уперлось руками в бока, копируя его жест. Он отвесил чудовищу насмешливый поклон, и оно ответило ему таким же низким поклоном. Он пошел к нему, и оно пошло ему навстречу, повторяя все его шаги и движения и останавливаясь, когда он останавливался. С криком изумления он устремился вперед, протянул руку, и рука чудовища, холодная как лед, коснулась его руки. Он испугался, отдернул руку, и чудовище поспешило сделать то же. Он начал было наступать на него, но что-то гладкое и твердое загородило ему дорогу. Лицо чудовища было теперь совсем близко от его лица, и в лице этом он прочел ужас. Он отвел рукой волосы, падавшие ему на глаза. Чудовище сделало то же. Он ударил его, и оно отвечало ударом. Он начал его ругать — оно строило ему какие-то гадкие гримасы. Он отшатнулся назад, и оно отшатнулось.

Что же это такое? Карлик задумался на минуту, оглядел комнату. Странно: каждый предмет здесь имеет как будто своего двойника за этой невидимой стеной светлой воды. Здесь картина — и там картина; здесь канапе — и там канапе. Здесь спящий Фавн лежит в алькове у дверей — и там, за стеною, дремлет его двойник; и серебряная Венера, вся залитая солнцем, протягивает руки к другой Венере, такой же прелестной, как она.

Что это?.. Эхо? Однажды в долине эхо повторило за ним все слова. Может быть, эхо умеет передразнивать и зрение, как оно умеет передразнивать голос. Может быть, оно умеет создать другой мир, совсем как настоящий. Но могут ли тени предметов иметь такие же, как предметы, краски, и жизнь, и движение? Разве могут?..

Он вздрогнул и, взяв со своей груди прелестную белую розу, повернулся и поцеловал ее. У чудовища оказалась в руках такая же роза, точно такая же — лепесток в лепесток. И оно точно так же целовало ее и прижимало к сердцу с безобразными жестами.

Когда истина вдруг открылась ему, он с диким воплем отчаяния кинулся, рыдая, на пол. Так это он сам — такой урод, горбатый, смешной, отвратительный? Это чудовище — он сам; это над ним так смеялись дети, и маленькая Принцесса тоже; он-то воображал, что она любит его, а она просто, как и другие, потешалась над его безобразием, над его уродливым телом. Почему не оставили его в лесу, где нет зеркала, которое бы сказало ему, как он уродлив и гадок? Почему отец не убил его, вместо того чтобы продать его на позор? По щекам его струились горячие слезы. Он изорвал в клочки белый цветок; барахтавшееся на полу чудовище сделало то же и разбросало по воздуху лепестки. Оно пресмыкалось на земле, а когда он смотрел на него, оно тоже смотрело на него, и лицо его было искажено страданием. Он отполз подальше, чтоб не видеть его, и закрыл руками глаза. Как раненый зверек, он уполз в тень и лежал, тихо стелая.

В это время через дверь с террасы в комнату вошла Инфанта со своими гостями и увидала безобразного Карлика, который лежал на полу, колотя скрюченными пальцами; это было до того фантастически нелепо, что дети с веселым смехом обступили его — посмотреть, что он такое делает.

— Его пляски были забавны, — сказала Инфанта, — но представляет он еще забавнее. Почти так же хорошо, как марионетки, только, разумеется, не так естественно.

И она обмахивалась своим огромным веером и хлопала в ладоши.

Но маленький Карлик даже не взглянул на нее; его рыдания постепенно стихали. Вдруг он как-то странно подпрыгнул и схватился за бок. Потом упал и вытянулся без движения.

— Это у тебя очень хорошо получилось,— сказала Инфанта, пождав немного,— но теперь ты должен потанцевать для меня.

— Да-да,— закричали все дети,— теперь вставай и танцуй, потому что ты ничуть не хуже барбарийской обезьянки, даже забавнее.

Но маленький Карлик не откликнулся.

Инфанта топнула ножкой и кликнула дядю, который гулял с Камергером по террасе, читая депеши, только что полученные из Мексики, где недавно учреждена была святая инквизиция.

— Мой смешной маленький Карлик капризничает и не хочет вставать. Поднимите его и велите ему танцевать для меня.

С улыбкой переглянувшись, они вошли в комнату, и Дон Педро нагнулся и потрепал Карлика по щеке своею вышитой перчаткой.

— Изволь плясать, *petit monstre*¹, изволь плясать. Наследная Принцесса Испании и обеих Индий желает, чтоб ее забавляли.

Но маленький Карлик не шевелился.

— Его надо отстегать хорошенько,— устало молвил Дон Педро и опять ушел на террасу.

Но Камергер с озабоченным видом опустился на колени перед маленьким Карликом и приложил руку к его груди. А минуту спустя пожал плечами, поднялся и, низко поклонившись Инфанте, сказал:

— *Mi bella Princesa*, ваш забавный маленький Карлик никогда больше не будет плясать. Как жаль! Он так безобразен, что, пожалуй, рассмешил бы даже Короля.

— Но почему же он никогда больше не будет плясать? — смеясь, спросила Инфанта.

— Потому что у него разбилось сердце.

Инфанта нахмурилась, и ее прелестные розовые губки сложились в хорошенькую надменную гримаску.

— На будущее время, пожалуйста, чтобы у тех, кто приходит со мною играть, не было сердца! — крикнула она и убежала в сад.

¹ Уродец (франц.).

Соловей и роза

— Она сказала, что будет танцевать со мной, если я принесу ей красных роз,— воскликнул молодой Студент,— но в моем саду нет ни одной красной розы.

Его услышал Соловей, в своем гнезде на дубе, и, удивленный, выглянул из листвы.

— Ни единой красной розы во всем моем саду! — продолжал сетовать Студент, и его прекрасные глаза наполнились слезами.— Ах, от каких пустяков зависит порою счастье! Я прочел все, что написали мудрые люди, я постиг все тайны философии,— а жизнь моя разбита из-за того только, что у меня нет красной розы.

— Вот он наконец-то, настоящий влюбленный,— сказал себе Соловей.— Ночь за ночью я пел о нем, хотя и не знал его, ночь за ночью я рассказывал о нем звездам, и наконец я увидел его. Его волосы темны, как темный гиацинт, а губы его красны, как та роза, которую он ищет; но страсть сделала его лицо бледным, как слоновая кость, и скорбь наложила печать на его чело.

— Завтра вечером принц дает бал,— шептал молодой Студент,— и моя милая приглашена. Если я принесу ей красную розу, она будет танцевать со мной до расвета. Если я принесу ей красную розу,

я буду держать ее в своих объятиях, она склонит голову ко мне на плечо, и моя рука будет сжимать ее руку. Но в моем саду нет красной розы, и мне придется сидеть в одиночестве, а она пройдет мимо. Она даже не взглянет на меня, и сердце мое разорвется от горя.

— Это настоящий влюбленный,— сказал Соловей.— То, о чем я лишь пел, он переживает на деле; что для меня радость, то для него страдание. Воистину любовь — это чудо. Она драгоценнее изумруда и дороже прекраснейшего опала. Жемчуга и гранаты не могут купить ее, и она не выставляется на рынке. Ее не приторгуешь в лавке и не выменяешь на золото.

— На хорах будут сидеть музыканты,— продолжал молодой Студент.— Они будут играть на арфах и скрипках, и моя милая будет танцевать под звуки струн. Она будет носиться по зале с такой легкостью, что ноги ее не коснутся паркета, и вокруг нее будут толпиться придворные в расшитых одеждах. Но со мной она не захочет танцевать, потому что у меня нет для нее красной розы.

И юноша упал ничком на траву, закрыл лицо руками и заплакал.

— О чем он плачет? — спросила маленькая зеленая Ящерица, которая проползала мимо него, помахивая хвостиком.

— Да, в самом деле, о чем? — подхватила Бабочка, порхавшая в погоне за солнечным лучом.

— О чем? — спросила Маргаритка нежным шепотом свою соседку.

— Он плачет о красной розе,— ответил Соловей.

— О красной розе! — воскликнули все.— Ах, как смешно!

А маленькая Ящерица, несколько склонная к цинизму, беззастенчиво расхохоталась.

Один только Соловей понимал страдания Студента, он тихо сидел на дубе и думал о таинстве любви.

Но вот он расправил свои темные крылышки и взвился в воздух. Он пролетел над рощей, как тень, и, как тень, пронесся над садом.

Посреди зеленой лужайки стоял пышный Розовый Куст. Соловей увидел его, подлетел к нему и спустился на одну из его веток.

— Дай мне красную розу,— воскликнул он,— и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы белые,— ответил он,— они белые, как морская пена,

они белее снега на горных вершинах. Поди к моему брату, что растет возле старых солнечных часов,— может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос возле старых солнечных часов.

— Дай мне красную розу,— воскликнул он,— и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы желты,— ответил он,— они желты, как волосы сирены, сидящей на янтарном престоле, они желтее золотоцвета на нескошенном лугу. Поди к моему брату, что растет под окном у Студента, может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос под окном у Студента.

— Дай мне красную розу,— воскликнул он,— и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы красные,— ответил он,— они красны, как лапки голубя, они краснее кораллов, что колышутся, как веер, в пещерах на дне океана. Но кровь в моих жилах застыла от зимней стужи, мороз побил мои почки, буря поломала мои ветки, и в этом году у меня совсем не будет роз.

— Одну только красную розу — вот все, чего я прошу,— воскликнул Соловей.— Одну-единственную красную розу! Знаешь ты способ получить ее?

— Знаю,— ответил Розовый Куст,— но он так страшен, что у меня не хватает духу открыть его тебе.

— Открой мне его,— попросил Соловей,— я не боюсь.

— Если ты хочешь получить красную розу,— молвил Розовый Куст,— ты должен сам создать ее из звуков песни при лунном сиянии, и ты должен обогреть ее кровью сердца. Ты должен петь мне, прижавшись грудью к моему шипу. Всю ночь ты должен мне петь, и мой шип пронзит твое сердце, и твоя живая кровь перельется в мои жилы и станет моею кровью.

— Смерть — дорогая цена за красную розу,— воскликнул Соловей.— Жизнь мила каждому! Как хорошо, сидя в лесу, любоваться солнцем в золотой колеснице и луною в колеснице из жемчуга. Сладко благоухание боярышника, милы синие колокольчики в долине и

вереск, цветущий на холмах. Но любовь дороже Жизни, и сердце какой-то пташки — ничто в сравнении с человеческим сердцем!

И, взмахнув своими темными крылышками, Соловей взвился в воздух. Он пронесся над садом, как тень, и, как тень, пролетел над рощей.

А Студент все еще лежал в траве, где его оставил Соловей, и слезы еще не высохли в его прекрасных глазах.

— Радуйся! — крикнул ему Соловей. — Радуйся, будет у тебя красная роза. Я создам ее из звуков моей песни при лунном сиянии и обاغрю ее горячей кровью своего сердца. В награду я прошу у тебя одного: будь верен своей любви, ибо как ни мудра Философия, в Любви больше Мудрости, чем в Философии, — и как ни могущественна Власть, Любовь сильнее любой Власти. У нее крылья цвета пламени, и пламенем окрашено тело ее. Уста ее сладки, как мед, а дыхание подобно ладану.

Студент привстал на локтях и слушал, но он не понял того, что говорил ему Соловей, ибо он знал только то, что написано в книгах.

А Дуб понял и опечалился, потому что очень любил эту малую пташку, которая свила себе гнездышко в его ветвях.

— Спой мне в последний раз твою песню,— прошептал он.— Я буду сильно тосковать, когда тебя не станет.

И Соловей стал петь Дубу, и пение его напоминало журчание воды, льющейся из серебряного кувшина.

Когда Соловей кончил петь, Студент поднялся с травы, вынул из кармана карандаш и записную книжку и сказал себе, направляясь домой из рощи:

— Да, он мастер формы, это у него отнять нельзя. Но есть ли у него чувство? Боюсь, что нет. В сущности, он подобен большинству художников: много виртуозности и ни капли искренности. Он никогда не принесет себя в жертву другому. Он думает лишь о музыке, а всякий знает, что искусство эгоистично. Впрочем, нельзя не признать, что иные из его трелей удивительно красивы. Жаль только, что в них нет никакого смысла и они лишены практического значения.

И он пошел к себе в комнату, лег на узкую койку и стал думать о своей любви; вскоре он погрузился в сон.

Когда на небе засияла луна, Соловей прилетел к Розовому Кусту, сел к нему на ветку и прижался к его шипу. Всю ночь он пел, прижавшись грудью к шипу, и холодная хрустальная луна слушала, склонив свой лик. Всю ночь он пел, а шип вонзался в его грудь все глубже и глубже, и из нее по каплям сочилась теплая кровь.

Сперва он пел о том, как прокрадывается любовь в сердце мальчика и девочки. И на Розовом Кусте, на самом верхнем побеге, начала распускаться великолепная роза. Песня за песней — лепесток за лепестком. Сперва роза была бледная, как легкий туман над рекою, — бледная, как стопы зари, и серебристая, как крылья рассвета. Отражение розы в серебряном зеркале, отражение розы в недвижной воде — вот какова была роза, расцветавшая на верхнем побеге Куста.

А Куст кричал Соловью, чтобы тот еще крепче прижался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалееет роза!

Все крепче и крепче прижимался Соловей к шипу, и песня его звучала все громче и громче, ибо он пел о зарождении страсти в душе мужчины и девушки.

И лепестки розы окрасились нежным румянцем, как лицо жениха, когда он целует в губы свою невесту. Но шип еще не проник в сердце Соловья, и сердце розы оставалось белым, ибо только живая кровь соловьиного сердца может обогреть сердце розы.

Опять Розовый Куст крикнул Соловью, чтобы тот крепче прижался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалет роза!

Соловей еще сильнее прижался к шипу, и острие коснулось наконец его сердца, и все тело его вдруг пронзила жестокая боль. Все мучительнее и мучительнее становилась боль, все громче и громче раздавалось пенье Соловья, ибо пел он о Любви, которая обретает совершенство в Смерти, о той Любви, которая не умирает в могиле.

И стала алой великолепная роза, подобно утренней заре на востоке. Алым стал ее венчик, и алым, как рубин, стало ее сердце.

А голос Соловья все слабел и слабел, и вот крылышки его судорожно затрепыхались, а глазки заволокло туманом. Песня его замирала, и он чувствовал, как что-то сжимает его горло.

Но вот он испустил свою последнюю трель. Бледная луна услышала ее и, забыв о рассвете, застыла на небе. Красная роза услышала ее и, вся затрепетав в экстазе, раскрыла свои лепестки навстречу прохладному дуновению утра. Эхо понесло эту трель к своей багряной пещере в горах и разбудило спавших там пастухов. Трель прокатилась по речным камышам, и те отдали ее морю.

— Смотри! — воскликнул Куст. — Роза стала красной!

Но Соловей ничего не ответил. Он лежал мертвый в высокой траве, и в сердце у него был острый шип.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул в сад.

— Ах, какое счастье! — воскликнул он. — Вот она, красная роза. В жизни не видал такой красивой розы! У нее, наверное, какое-нибудь длинное латинское название.

И он высунулся из окна и сорвал ее.

Потом он взял шляпу и побежал к Профессору, держа розу в руках.

Профессорская дочь сидела у порога и наматывала голубой шелк на катушку. Маленькая собачка лежала у нее в ногах.

— Вы обещали, что будете со мной танцевать, если я принесу вам красную розу! — воскликнул Студент. — Вот самая красная роза на свете. Приколите ее вечером поближе к сердцу, и, когда мы будем танцевать, она расскажет вам, как я люблю вас.

Но девушка нахмурилась.

— Боюсь, что эта роза не подойдет к моему туалету, — ответила

она.— К тому же племянник камергера прислал мне настоящие камни, а всякому известно, что камни куда дороже цветов.

— Как вы неблагодарны! — с горечью сказал Студент и бросил розу на землю.

Роза упала в колею, и ее раздавило колесом телеги.

— Неблагодарна? — повторила девушка.— Право же, какой вы грубиян! Да и кто вы такой в конце концов? Всего-навсего студент. Не думаю, чтоб у вас были такие серебряные пряжки к туфлям, как у камергерова племянника.

И она встала с кресла и ушла в комнаты.

— Какая глупость — эта Любовь,— размышлял Студент, возвращаясь домой.— В ней и наполовину нет той пользы, какая есть в Логике. Она ничего не доказывает, всегда обещает несбыточное и заставляет верить в невозможное. Она удивительно непрактична, а так как наш век — век практический, то вернусь я лучше к Философии и буду изучать Метафизику.

И он вернулся к себе в комнату, вытащил большую запыленную книгу и принялся ее читать.

СОДЕРЖАНИЕ

Счастливый Принц
Перевод К. Чуковского
3

Мальчик-звезда
Перевод Т. Озерской
15

День рождения Инфанта
Перевод З. Журавской
35

Соловей и роза
Перевод М. Благовещенской
55

Текст печатается по изданию:
Оскар Уайльд. Избранные произведения в двух томах.
Том 1. М., ГИХЛ, 1961.

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Оскар Уайльд
МАЛЬЧИК-ЗВЕЗДА

Редактор
Н. И. Трубникова
Художники
Л. В. и В. М. Григорьевы
Художественный редактор
В. С. Солдатов
Технический редактор
Т. В. Меньщикова
Корректоры
Е. В. Иванова, И. П. Кирсанова

ИБ № 622

Сдано в набор 2.11.78. Подписано в печать 3.09.79.
Формат бумаги 70×90¹/₁₆. Офсетная № 1. Школьная
гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 4,7.
Уч.-изд. л. 3,6. Тираж 200 000. Заказ 653.
Цена 40 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск,
Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский
рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Уайльд Оскар

**У13 Мальчик-звезда. Сказки. Свердловск, Средне-Уральское кн.
изд-во, 1979.**

64 с. с ил.

**Переиздание известных сказок английского писателя о мире добра и зла,
о красоте человеческих чувств и поступков.**

**у 70304—089
М158 (03) — 79**

И (Англ)

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1979

В сказках Оскара Уайльда,
английского писателя, все — вымысел
и все — правда. Оживающая статуя, говорящие
птицы и животные, добрые принцы,
злые принцессы, карлики и великаны, волшебники
и дровосеки — все, как полагается в сказках.
Сказки Уайльда осуждают богатых и сочувствуют
бедным, утверждают красоту добрых поступков,
человеколюбие и как высшую ценность в человеке
показывают проявление душевности.
Да, в сказках Оскара Уайльда живут рядом радость
и боль, счастье и беда, удача и невезение —
как в жизни, большой и трудной.
И конец в этих сказках может быть
и несчастливым.

Мир сказок этого писателя — особый мир.

В нем все — как в жизни
и все — как в сказке.

Рисунки художников
Л. В. и В. М. Григорьевых.